

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ЛенаФуксия

18+

A movie poster for the Russian dub of Disney's 'Frozen'. The background is a vibrant, icy landscape with blue and white tones, featuring ice formations and a small, glowing lantern. In the foreground, a woman with dark hair in two braids, wearing a white dress with intricate patterns and a blue headband, looks off to the side. The title 'FROZEN' is written in large, stylized, dark blue letters at the bottom.

FROZEN

Раммельсберги

ЛенаФуксия

Frozen

«ЛитРес: Самиздат»

2019

ЛенаФуксия

Frozen / ЛенаФуксия — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Раммельсберги)

Как узнать своего суженного? Можно ли заставить себя полюбить? А можно ли полюбить того кто однажды убил тебя? Агнии Раммельсберг предсказано встретить свою истинную пару, но он не торопится на встречу к ней. Все попытки построить отношения с другими, разбиваются о строгий контроль со стороны любящих и заботливых родственников, вставших на защиту "семейных ценностей драконов". Это четвёртая книга про Раммельсбергов (Раммельсберги#4). Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	6
2	8
3	9
4	15
5	18
6	23
7	25
8	29
9	33
10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

ЛенаФуксия

Frozen

Frozen¹

You only see what your eyes want to see
How can life be what you want it to be
You're frozen
When your heart's not open

***

If I could melt your heart
We'd never be apart
Give yourself to me
You hold the key

***

Love is a bird, she needs to fly
Let all the hurt inside of you die
You're frozen
When your heart's not open

If I could melt your heart...

***

Снег, лёд, облизанные ветром до состояния льда скалы – однообразный пейзаж на многие мили вокруг. Над всем этим дует ветер – сутками, с разной интенсивностью. Над всем этим царит холод – сутками, месяцами, годами, с разной интенсивностью.

Я давно уже не чувствую холода. Я стал его частью, и это помогло мне забыть. Забыть, кто я и почему здесь.

Свист ветра успокаивает и помогает уснуть.

---

¹ рус.– Заледеневший, Замерзший; цитата из песни Frozen исполняет Мадонна альб. 1998 года Ray of Light, авторы Патрик Леонард и Уильям Орбит; Атмосферная песня для этого произведения, рекомендую ставить фоном при чтении первых восьми глав.

1

Снова этот сон. Я проснулась с желанием натянуть пуховое одеяло и проверить работу системы отопления дома.

Все оказалось ещё хуже: кондиционер отключился, а в комнате царила душная летняя Аделаидская ночь. На часах четыре часа ночи или утра.

Пошлёпала на кухню попить и подумать.

Эти сны меня уже не тревожили. Снились примерно раз в месяц, но каждый раз я просыпалась резко, с ощущением замораживающего холода.

Из-за того, что меня ещё потряхивало, я вскипятила чайник и заварила пакетик чая в бокале. Хорошо бы выкурить сигарету, но где они лежат, я не помнила, а начну рыться – разбужу падю.

Зря волновалась, в коридоре раздалось шлёпанье босых ног – он всё равно проснулся.

– Ты чего в такую рань, Огонёк? – спросил папа-Куп и сел напротив меня за барную стойку. – Опять сон? – папа раскурил сигарету и протянул её мне.

Сделала затяжку, теплее мне не стало, но никотин влияет на сосуды, соответственно, на кровообращение, так что я как будто начала расслабляться, оттаивать. Отхлебнула большой глоток чая.

– Что по поводу снов говорят мама и Зиль?

– Мама поит чаем. Папа-Зиль говорит, что это связь с кем-то или с чем-то, пока эта связь не укажет на что-то, сны будут повторяться.

Куп кивнул головой, такой же лохматой и черноволосой как у меня. И ушёл. Вернулся через несколько минут с двумя гитарами. Одну положил на стол, вторую взял в руки и заиграл. Играл медленно, как будто подбирал ноты.

– Знаешь, такую? – спросил, хитро глядя на меня.

– Что-то знакомое, но не помню.

– Frozen – Мадонна. Это же классика! Разучи, как раз для твоего голоса, – и он повторил мелодию от начала до конца.

Я уже допила чай и согрелась, поэтому взяла вторую гитару и, повторяя за папой, проиграла мелодию один раз.

– Согрелась? Теперь спать!

Я, как послушная девочка, пошла в свою комнату.

– Падя, но сёрф не отменяется! Разбуди меня в семь.

– В семь не получится. Уже шесть, – он кивнул на часы. – Даю тебе время до десяти, сонная ты мне там не нужна.

***

Наша семья необычная. У нас с Искрой два папы, причём вполне биологических: Папа-Зиль, муж нашей мамы и наш официальный папа, и папа-Куп, его брат-близнец и биологический папа одной из нас. Но как определить, кого именно? Оба принимали участие в зачатии, оба принимали участие в родах.

Мама предполагает, что я биологическая дочь Зиля, а Искра дочь Купа. Но я черноволосая в Купа, а Искра блондинка – в Зиля. Куп перерезал пуповину Искре, а Зиль – мне. А потом в больничной суматохе меня вручили Купу, а Искру – Зиле². Так и повелось: Искру везде с собой таскал Зиль, а меня – Куп. Купу нравилось выставлять на публику отцовские чувства. Впрочем, он действительно отличный отец. Они с Зилем замечательные отцы.

---

² Эти события описаны в книге «Метель. Сорок лет вперед...» (Раммельсберги#3)

Правда, когда в четырнадцать лет я выросла до 178 сантиметров, папа-Куп резко перестал брать меня на тусовки и прочие светские мероприятия. Мама со смехом объяснила, что я стала выглядеть как его невеста.

В том же году я сильно простыла зимой. У меня долго болело горло. Врачи ставили кисту с угрозой потери голоса и утратой возможности говорить. Тогда папа-Куп купил в Аделаиде (Австралия) дом. С тех пор зимой, как только в Германии выпадал снег, мы с папой-Купом перебирались жить в Австралию.

Мама с папой-Зилем появлялись раз в неделю. Приносили порцию внимания, ласки и вкусняшек, а также школьные задания. Папа-Куп на это время уходил к Искре и Зи, нашему старшему брату, в Германию.

О простудах я забыла после первой линьки, но привычка сбегать от холодов Германии в тёплую Аделаиду у нас с папой-Купом осталась.

Конечно же, я не сказала главного: мы счастливая семейка драконов. Поэтому переходим из одной точки мира в другую без технических устройств, достаточно знать, куда хотим попасть. Правда, не все в нашей семье обладают этим умением. Искра так и не смогла ходить «неведомыми путями» – так красиво называют это умение в нашем родовом свитке. Мама научилась тоже не сразу, но как только жизнь заставила перемещаться к нам, в Аделаиду, справилась с первого раза. Зи пользуется этим умением легко, но почему-то любит перемещаться на человеческом транспорте.

«Холодные» сны стали мне сниться примерно через полгода после того, как Искра вышла замуж. Мы, конечно, часто с ней виделись, но мама мне аккуратно объяснила, что у Искры теперь своя семья и им нужно привыкнуть жить вдвоем. Я приходила к Искре в любое время, причём точкой выхода я задавала местонахождение Искры, и однажды она намекнула мне, что, прибегая к ней таким образом, я могу застать их с Алексеем в кровати. Искра попросила меня предупреждать о своих появлениях заранее.

С этого момента я почувствовала, что наш континент «АгнияИскра» образовал два материка, которые стали расплываться в разные части мира. Мы общались каждый день по видеосвязи, но единство, которое было раньше, стало пропадать.

Именно тогда мне приснился «холодный» сон. В первый раз я очень испугалась, потому что почувствовала себя огромным существом, вмёрзшим в глыбу льда: без эмоций, ощущений, желаний. Холод и пустота внутри. Я ощутила себя этим существом.

Но раз за разом, сон за сном, я как бы выходила из этого существа. В последних снах я видела территорию вокруг, чувствовала замёрзшего, но отдалялась от него. Эти сны уже не пугали. По совету мамы я старалась осмотреться вокруг, запомнить окружающую обстановку. Но обстановка вокруг существа такова, что глазу зацепиться не за что: лёд, снег, скалы. Даже скалы неприметные, словно вылизанные ледником. Самого существа я тоже не видела, только чувствовала. Сны больше не пугали, и я не кричала при пробуждении, но всё равно после них беспокойно. И холодно.

Как же здорово, что возле меня всегда есть те, кто согреет чай или раскурит сигарету, или потом поиграет на гитаре. Думая про свою семью, я заснула.

2

Девчонкам я озвучила грандиозные планы: поехать с папой-Зилем в Альпы и полетать. Но планам о полётах в декабре не суждено сбыться. Альпы завалило снегом, какие могут быть полёты в снегопад. После того как стали известны прогнозы на снежный декабрь, шато в горах пришлось отменять, в такую погоду не то что летать, но и кататься на лыжах неинтересно.

Так что в запланированный отпуск мы сидим с Зилем вдвоем на диване в гостиной перед электрическим камином и визором. Визор транслирует фильм про льды Гренландии, их движение и превращение в айсберги. Из-за того, что камин стоит сразу под визором, размер изображения сокращён, но и размера в полстены вполне достаточно, чтобы почувствовать гренландский холод и проникнуться ужасом от падения в море многотонных глыб.

Очередная глыба с грохотом упала в море. Я плотнее придвинулась к Зилю и запустила руки к нему под футболку.

– Бр-р, холодно и сыро. Понимаешь, почему Агния так кричала, когда ей стали сниться сны про ледники.

– По-моему, прикольно! Представляешь, они внизу падают, а ты над этим летишь! – Зиль раскинул руки, изображая полёт. – Вот куда нужно было ехать!

– Там сейчас полярная ночь, забыл? Этот фильм снимали летом. А сейчас там ещё холоднее, чем у нас, и ветер.

– А я на что? – Зиль натянул между руками плед, изображая крылья, и, обхватив, подмял меня под себя. – Я тебя бы согрел, вот так, – мы стали целоваться под всплески Атлантического океана.

– Тебе не кажется, что мы проводим время как-то по-стариковски? Сидим перед визором и ничего не делаем, – спросила я.

– Лен, вспомни, когда мне было восемнадцать, для меня было самой большой мечтой: валяться с тобой на кровати и смотреть TV, – ответил Зиль, чуть отстраняя лицо. – Как по мне, мы сейчас проводим время вполне по-молодёжному. Детей нет. Няnek нет. Даже Купа нет. Как в твоей питерской квартире³

– Мы вдвоём, – я поцеловал его в губы, передавая свою нежность. – Только ты и я. Я забыла, как это было, – вгляделась в его лицо. Он остановился на возрасте 35+. Как и в восемнадцать серьги-кольца в ушах, пирсинг в уголках нижней губы. Кольцо из носа убрал, но иногда надевает, и я понимаю, что он собирается встречаться с кем-то, кого нужно проверить на лояльность.

– Я помню... Было так вкусно и так сладко... – Зиль перешёл к более решительным действиям. – Хотя если ты готова снова спать под радио-няню, то я помогу.

Мы уснули на диване, занимаясь сексом и наслаждаясь друг другом.

Утром я уточнила у Зилия, готов ли он спать под радио-няню, а также о его намерении обзавестись новой порцией дракончиков.

– Не могу сказать, что я хочу спать под радио-няню, но всё же детского крика и шлёпанья маленьких ножек иногда не хватает. Потом так здорово их учить летать... Так что давай родим еще кого-нибудь. А период радио-няни быстро проходит. – Вдруг на лицо набежала тучка, он нахмурился и произнес: – Не хочу тебя отпускать к нему. – Притянул к себе, поцеловал в губы, потерся подбородком по макушке. – Знаю, что так нужно. Ладно, у меня много дел на Урале, – произнёс словно уговаривая себя.

В этот же день я пошла к врачу и убрала противозачаточную плёнку.

---

³ Зиль вспоминает события, о которых рассказывается в книге «Небо на двоих» (Раммельсберги#1).

3

- Просыпайся, соня! Акулы нас заждались! – падя потрепал по голове и подул в ухо.
- Встаю, встаю... – я потянулась и села в кровати. Пади уже не было в комнате. Умылась, расчесалась, оделась, вышла в кухню-гостиную, в которой пахло блинчиками.
- Пап, потом не говори, что я девушка в теле! – схватила с общего блюда сразу несколько блинов и переложила к себе в тарелку.
- Я никогда и не говорил, ты меня, наверное, с Зилем путаешь, – засмеялся падя, – это у них с Искрой идеал красоты – велосипед. А мы с тобой – мотобайки! – падя поиграл прессом. – Да и потом, ты сейчас все килокалории от блинчиков сожжёшь. Кстати, у тебя талия тоньше, чем у Искры.
- Успокойся, спасибо! На сантиметр! Помнишь, что я сегодня вечером выступаю?
- А как же! Обязательно буду.
- Тебе билет оставить или всё же выступишь со мной?
- Оставь два билета. А выступать в шоу Оста за бесплатно я не буду.
- Так давай договоримся! Я уверена, Майк согласится и оплатит.
- С нас его папули было достаточно в своё время, ещё не хватало, чтобы я в кабалу от его сына попал.
- Ка-ак у вас всё сложно... Вы же вроде с Остом-старшим друзья, и вдруг ты мне такое выдаёшь.
- Мы с ним друзья, пока дело не доходит до совместных проектов и контрактов на выступление. Мы в двадцать лет еле от него вырвались. Мы, конечно, и потом с ним заключали контракты, но как продюсер – я лучше! – Куп весело подмигнул.
- А Зиль считает его лучшим продюсером.
- Он действительно лучший продюсер, но с нас содрал семь шкур и не подавился. Эксплуататор детского труда, – Куп сказал так, что не поймёшь то ли шутит, то ли прикрывает шутками какую-то обиду.
- Поэтому все недосказанности с Остом-старшим ты переносишь на Оста-младшего. Пап, но не могу же я сама заниматься организацией своих концертов, приглашением музыкантов и всяких стилистов-визажистов. Конечно, у Зи продюсер лучше, но они бомбят Южную Америку, не ехать же мне туда...
- Да, Огонёк, ты права. Майкл хороший парень. Просто он меня напрягает.
- Кстати, почему два билета? Я чего-то не знаю?
- Ну, может, кого-нибудь приглашу, – ответил падя уклончиво, пряча улыбку в бороду.
- Я сегодня, наверное, останусь в городе ночевать. Концерт закончится поздно, не хочу тебя будить.
- Как ты можешь меня разбудить, если появляешься в своей комнате? Не придумывай. Если только ты не хочешь остаться ночевать с кем-то... – он хитро прищурился и посмотрел на меня.
- Я изобразила святую невинность.

Переоделись, доски в руки, шаг – и мы на берегу океана. Падя был прав, уже начало припекать. После той ночи, когда мне последний раз приснился «холодный» сон, мы с падей уже две недели, каждый день по утрам ходим ловить волну.

Обожаю сёрфить с папой-Купом. Я повторяю все его движения, все уловки. И всё равно мне до него далеко. Правда, до его уровня всем на нашем пляже далеко. И не только на нашем пляже. Мы ходили с ним ловить волны в разные части мира, я видела классных сёрферов, но с падей мало кто может сравниться. Жаль, что он не участвует ни в каких соревнованиях.

Говорит, что он помогает себе драконьим телом, поэтому соревнования с людьми будут не на равных.

Мы поймали несколько волн. Скинули лайкры, свалились на песок отдыхать и загорать. К нам тут же подошли два наших знакомца: Боб и Джон.

– Вы что, уже закончили? – спросил один из них после приветствия.

– Да, – ответил падя. – У Агнии концерт завтра в Аделаиде, нужно ехать.

– Далекое, – протянул Боб.

– Когда в Сиднее будешь выступать, придём! – пообещал Джон. – Давай с нами разочек, – позвал он меня, одаривая белозубой улыбкой.

Люблю австралийских парней за то, что с ними я выгляжу миниатюрной. Поэтому не смогла устоять перед их приглашением. Надевая лайкру, заметила недовольный взгляд пади. Подхватила доску и побежала с ребятами в океан. Взяли несколько волн и возвратились к моему полотенцу.

Куп лежал на спине с расслабленным видом, но я почувствовала его напряжение. Ребята упали на песок, рядом со мной.

– Куп, ты тоже уезжаешь в Аделаиду? – поинтересовался Джон.

– Да.

– Соревнования будут, – лениво сообщил Боб, – рождественские.

– Ну и ладно, как-нибудь в другой раз.

Повалявшись ещё минут десять, падя сказал, что нам пора, поднялся и стал собирать вещи. Ребята сразу попрощались и побежали в океан, что существенно облегчило нам задачу, иначе пришлось бы искать уголок, чтобы спрятаться от их глаз и спокойно переместиться.

Дома оказалось, что у меня несколько пропущенных вызовов от Майка Оста. Я забыла, что мы договорились встретиться в клубе в двенадцать. Уже половина первого, а меня нет. Я быстро приняла душ, схватила костюмы, гитару и перешагнула в тёмный закоулок «Ночной Звезды».

В клубе «Ночная Звезда» выступаю не первый раз, поэтому местонахождение своей гримёрки знала. Оставила вещи и гитару, отправилась на поиски Оста.

Майк нашёлся очень легко: был на сцене с группой. Собственной группой это назвать нельзя, потому что состав постоянно меняется. Сегодня мы начинаем новый тур выступлений, так что мне, очевидно, предстояло познакомиться с новыми музыкантами.

К моей радости, из четырех музыкантов новыми были только двое. Это для меня большая удача: когда с двумя уже спелась, новые легче подхватывают. Новенькими оказались бас-гитарист и клавишник. Вторая гитара и ударник были моими старыми знакомыми, с которыми мы уже проехали тур по Австралии в прошлом году.

Пока меня не было, музыканты даже начали, что-то разучивать из моего репертуара. Поэтому когда я появилась, репетиция просто продолжилась, парням не пришлось долго настраиваться. Несмотря на это, репетировали мы почти четыре часа, с небольшими перекурами. На открытие тура я хотела запустить песню Frozen, чтобы удивить падю, поэтому пришлось напрячься.

Выступление началось в восемь. В первой половине концерта у меня рок и рок-баллады, поэтому я одета во всё чёрное: джинсы, рубашка с узлом на животе, чтобы продемонстрировать свой пресс, густой боевой раскрас на глазах и губах и, конечно же, поставленные почти дыбом чёрные волосы.

Окинула взглядом зал. Встретилась глазами с падей. Он сидел лицом к сцене в одиночестве за столиком, который я забронировала для него. Улыбнулась и начала своё выступление с песни «Муссон», ставшей моей визитной карточкой. Затем продолжила песнями собственного сочинения.

За падей я, естественно, специально не следила, но заметила, что он несколько раз выходил с телефоном.

После антракта, переодевшись в длинное красное платье по фигуре и уложив на голове косу в высокую причёску, я исполняла шлягеры предыдущих времён.

В очередной раз, отыскав глазами падю, я увидела, что он не один. С ним была какая-то девица в джинсовом костюме и нелепыми баранками из светлых волос на голове. Лица девицы мне разглядеть не удалось, она сидела ко мне полубоком, и лицо её закрывал дядька, который был впереди, и тень ещё от чего-то. Когда я увидела, как падя смотрит на эту «баранку», у меня неприятно зануло сердце. Он смотрел на неё так, как смотрел на маму, если думал, что никто этого не видит.

На исполнении Frozen падя очень громко хлопал, кричал «браво» и даже передал букет цветов. Правда, букеты на выступлениях он мне всегда передавал, если был в том городе, где я выступаю.

Однако после выступления и песен на бис пади в зале уже не было. Когда он успел смыться со своей подружкой, я не заметила.

Меня распирало любопытство, что за девицу подцепил падя и чем она похожа или лучше мамы, если он так на неё смотрел. Поэтому вместо того, чтобы остаться на ночь в городской квартире, я вернулась домой.

Как же я пожалела, что сделала это. Девица так орала и стонала под падей, что мне было слышно её через закрытые двери и четыре разделяющих комнаты. Но самое ужасное было то, что падя тоже орал. Он получал кайф от какой-то посторонней женщины.

На первом акте я накрылась подушкой, чтобы их не слышать. На втором – сбежала в квартиру, в которой ночевала, когда встречалась с парнями, в Аделаиде.

Меня поглотила волна жуткой ревности и одиночества. Впервые со свадьбы Искры я снова почувствовала себя кусочком суши, оторвавшимся от материка. Почувствовала, что единение, которое было между мной и падей, дало трещину. Я ревела. Ему не должно было быть так хорошо, а ему было. Он должен любить только меня и маму, ну и Искру. А он...

С этим я уснула. И здравствуй, холодный сон!

Чувство отчаяния и одиночества сковало сердце. Она умерла. Этого не изменить. Она изменила. Этого не исправить. Я сжёг дотла всё, что было связано с ней. И её, и этого менестреля, и ещё того, кто рассказал мне о том, что моя единственная встречается с менестрелем. Я сжёг всё... Пламя охватило меня, жар сжигал меня изнутри. Непередаваемая, невыносимая боль! От боли разрывалось сердце.

«Изменница!»

Её вскрик: «Я? Изменница? Почему? Любимый, за что?»

Огонь опалил меня, но так и не сжег. Драконы не горят в своем огне.

В голове её пение, у неё был такой красивый голос, а перед глазами она в виде факела. Это невозможно забыть. Это невозможно простить. Пламя не дало облегчения, и я решил замёрзнуть. Навсегда...

Мысли, обрывки воспоминаний, слова, крики, боль! Этот смерч закрутил меня. Я металась по кровати и не могла проснуться. Я не отделяла мыслей холодного существа от своих собственных. А моё тело горело. Мне было очень жарко! И на всё это накладывались еще чьи-то воспоминания о смерти в огне...

Я усилием воли напомнила себе, что я – Агния Раммельсберг, дочь Раммельсбергов, и никто не властен над моей волей и моим рассудком. После этого мне удалось проснуться.

Тело горело, но жар отпускал быстрее, чем холод. Кто эта женщина? Она сгорела в огне. «Изменница» – это слово она услышала перед тем, как её одежда и волосы вспыхнули.

Да, сюжетец... Есть над чем подумать.

Очень захотелось домой к папе-Купу рассказать о сне и пожаловаться на новую напасть. А и чёрт с ней, его новой пассивей!

Переместилась в сад специально, чтобы не напугать гостью, если она ещё не ушла. Тихо вошла через открытую раздвижную садовую дверь и попала на кухню.

Падя сидел спиной к входу, а возле плиты в маминной домашней футболке стояла его пассивя. Светлые волосы заплетены в косу до попы. Хм, как у мамы. Мама?

– Мамочка! – завизжала я и подлетела к ней.

– Огонёк! – мы обнялись, какая же она хрупкая по сравнению со мной.

– Мам, ты когда приехала? – и, обернувшись к паде: – Почему вы мне ничего не сказали?

– Хотели тебе сюрприз сделать! – объяснила мама. – Получилось?

– Сюрприз удался, – кисло выдавила я.

– Мы же вчера на твоём концерте были! – восторженно сказала мама. – Сегодня твой ролик с Frozen на Трубе и других сетях набрал уже кучу лайков и просмотров. Пишут, что ты спела круче оригинала и все в восторге от твоего голоса.

– Я тебя не видела...

– Я сидела за столиком с Купом, правда, меня закрывал толстяк, который уселся передо мной, но он не мешал мне тебя видеть, и я не стала пересаживаться.

Мама стала бойко выкладывать на тарелки жареный бекон, жареные яйца и тосты. Один взмах – и тарелки оказались на столе. Она опустила на стул перед своей тарелкой и принялась с аппетитом уплетать яичницу, намазывая желток на тост.

– А почему вы не подошли после концерта? – спросила я, борясь с мыслями о сегодняшней ночи, которые стучали в голову.

– Тебя там молодые люди окружили, а Куп сказал, что ты домой не придёшь. Мы сделали выводы и решили тебя не смущать, – мама повела своим хрупким плечиком.

Я посмотрела на маму. Выглядит как девчонка – моя ровесница, если не моложе. Даже конопушки на носу. С неё станется наvertеть бублики на голове. И тут я вспомнила старую фотографию из её топ-модельного прошлого, там она как раз с таким бубликами была.

Украдкой перевела взгляд на Купа. Он смотрел на маму, как кот на сметану, даже глаза прищурил.

– У вас какие планы на сегодня, – спросила я скорее для поддержания разговора.

– Да, наверное, никаких. Может, на пляж сходим, – ответила мама. – Да, не успела сказать. У Зиль всё в порядке, просто он уехал по делам куда-то на Урал. Я с ним не поехала, там холодно. Вот решила к вам зайти.

– И правильно, – произнесли мы с Купом почти одновременно.

– У меня сегодня второй концерт. В два репетиция. Я зашла за украшениями и пойду. Так что не теряйте меня. Звоните, если что. Вам билеты оставить?

– Оставь! – попросила мама. – Обязательно придём.

Поблагодарила за завтрак и отправилась к себе в комнату. Проходя мимо открытой двери в комнату пади, непроизвольно потянула носом. Запах мамы... И запах секса...

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Она была с падей-Купом! А как же падя-Зиль? «Уехал по делам куда-то на Урал. Я с ним не поехала, там холодно. Вот решила к вам зайти», – с раздражением прокрутила в голове мамину фразу.

Что со мной? Естественно, он обо всём знает. И мы знаем. Иначе бы мы не назвали их «падями», совместив в детстве слова «папа» и «дядя». Вчера меня раздирала ревность к посторонней тётке, которая оказалась мамой. Теперь я злюсь из-за того, что Куп вдвоём с мамой, а падя-Зиль «где-то на Урале». Жёсткие эмоциональные качели!

Чтобы хоть как-то успокоиться, набрала Искру. Она сразу ответила. Оказалось, что Искра скучает в одиночестве. Был падя-Зиль и куда-то утащил Алёшу. Воспользовавшись случаем, я переместилась к ней и со всего маха вылила всё, что произошло со мной за эти сутки.

Она начала с главного: про маму и Купа.

– Да, они встречаются. Не делай вид, что ты об этом не знала. Не может, мужчина так смотреть на женщину в течение стольких лет и чтобы между ними ничего не было. Не мог же он нас заделать, а потом держаться двадцать с лишним лет на онанизме.

– Ты права. Резко, конечно, но права. Я просто об этом никогда не задумывалась...

– Агуня, ну ты что, в самом деле, как будто еще девочка... Я тебя просвещать должна, что ли? – Искра рассмеялась. – Вообще, маму мне даже жалко. Угораздило её связаться с двумя драконами. Хорошо, хоть Куп сумел себя сдержат. А падя-Зиль очень ревнивый. Как они с Купом до сих пор друг друга не поубивали, не понимаю. Ты если хочешь подробностей – почитай наш семейный свиток. Я читала, местами очень интересно. Про жизнь с двумя драконами – так в нашей семье это несколько раз было. Дракониц рождается меньше, чем драконов. Природа придумала так, что у драконов могут быть «истинные, единственные» – женщины не драконы, у которых после укуса так трансформируется организм, что позволяет им зачать и выносить дракончиков. В качестве бонусов женщины получают линьку, здоровье и долгожительство. А сверх того просто безграничную любовь к своему дракону. Так получилось у мамы с Зилем. Правда, и он её тоже любит безгранично и вреда ей причинить не может, но это ведь получается дикая зависимость друг от друга. Они же, когда вдвоем, вообще никого и ничего не видят. Замечала?

– Было такое. Но мне кажется, Куп на маму тоже влюбленными глазами смотрит.

– А Куп у них как буфер. Мама же и для него истинная пара, только Зиль был раньше, и привязка у них с мамой получилась крепче. У Купа ведь даже её дасмаль есть.

– Не замечала. Какой?

– На плече такая маленькая девушка на глйдере. Скажи ещё, что не видела?!

– Кажется, видела, – ответила, припоминая плечи пади-Купа. Вроде что-то такое есть, но у наших пап татуировок много, если не знать, то не поймешь, какая из них дасмаль.

– Хотя ты права, – продолжила Искра свою мысль. – Я всё это знаю только в теории и не представляю, какая бы у меня была реакция, если бы я услышала их вопли на весь дом. Может, тебе домой не возвращайся, пока родители там... – Она быстро исправилась: – Пока мама не уйдет...

– Хочу так и сделать. А то прям завидно, – я рассмеялась.

– Ладно, с родителями. Скорей бы уже очередных дракончиков сделали, и им развлечение, и нам за них спокойней. Да и маме я обещала, что рожу своих детей через пять лет после неё, чтобы разница в возрасте была между дядями и племянниками.

– Можно подумать, это обещание тебя сильно тормозит, – засмеялась я.

– Нет, но... Да, ты права. Алексей говорит, что я ещё маленькая. Нужно подождать. Думаю, после тридцати в любом случае первого рожу, – протянула Искра задумчиво. – Они мне все в пример наших родителей приводят. Мне кажется, крайне неудачный пример. Время было другое. Пади были связаны дурацким контрактом. В общем, против них было много всяких обстоятельств. К пятидесяти они вполне встали на ноги и всё получилось...

– Мне кажется, в любом случае решать тебе, – ободрила я сестру. – Ну, может быть с Алексеем.

– Давай лучше подумаем, как помочь нашей Катке.

– А что с Каткой, её опять ищут за взлом очередной системы? – спросила я, ощутив беспокойство за Катю, которую не видела и не слышала уже месяца два.

– Да, международная полиция её ищет, но у них мало шансов, в этом я спокойна. Я про их отношения с Зи.

– Но что мы можем сделать? Они любят друг друга, хотя тщательно это скрывают. Да еще и Магда против. Почему она, кстати, против? Потому что он сын хозяина? Или потому что он дракон?

– Думаю, потому что он дракон. Мне кажется, у Магды какой-то клин на том, что кицунэ должны служить драконам и не могут быть их любовницами и жёнами.

– И как мы можем им помочь? У тебя есть идеи? – взволновано спросила я.

– Давай думать. Самый верняк: они должны оказаться вдвоём в экстремальных условиях. Ну, чтобы им было не сбежать друг от друга. Гормоны возьмут своё, а там...

– Как ты себе это представляешь? Зи ходит неведомыми путями, забыла? Он выберется из любой дыры и Катю унесет, – напомнила я.

– Вот и давай думать. Куда их отправить, чтобы они наверняка оттуда не смогли выбраться, будто не имеют права, например, они же оба жутко ответственные, – расхохоталась Искра.

– Главное, чтобы он не женился, чтобы навсегда отвадить от себя мысли о Кате, – сказала я вслух.

– Это он может, – согласилась Искра. – Но мы об этом узнаем заранее и расстроим свадьбу! – уверенно заявила Искра, и глаза её блеснули.

– Скажи, что ты думаешь о моей истории с холодными, а теперь огненными снами? – Я пересказала сестре сегодняшний сон.

– Вообще – жуть! Вдруг это тебе снится твоя предыдущая жизнь?

– Я сгорела, а потом мои останки заморозили? Бред! Умершие не чувствуют холода.

– Поговори с мамой. Она у нас провидица, вот пусть и посмотрит. И почитай родовой свиток. Помнишь, как им пользоваться?

– Я им никогда не пользовалась. Как?

– Задаёшь мысленно вопрос или называешь имя того, про которого хочешь прочитать, и бросаешь свиток на стол. Как правило, открывается на нужном месте.

Вдруг у меня сработал гаджет. Вызывал Ост. Чёрт! Я опять опоздала на репетицию!

– Всё, я побежала, меня директор разыскивает!

Мы поцеловались, и я переместилась в тёмный угол «Ночной Звезды».

4

Выступление прошло замечательно. В этот раз столик родителей никто не загораживал. Я видела свою молодую маму и паду, глядящего на неё с восхищением. Восхищаться было чем: точёная фигурка, стройные ноги в туфлях на высоких каблуках, светлые волосы, уложенные каскадом.

Я пела для них. Сегодня все песни о любви я посвятила им – мысленно, конечно. И вдруг совершенно случайно я разглядела в зале Джона с пляжа. Поэтому с радостью посвятила ему свою песню о море, волнах, ветре, брызгах и горячем песке.

После концерта он подошёл ко мне и поздравил с отличным выступлением. Я первый раз видела его в одежде. И надо сказать, подготовился он отлично. Белая рубашка без ворота с расстёгнутыми верхними пуговицами на загорелом теле смотрелась отпадно, а тесные голубые джинсы сообщали, что этот парень подарит шикарную ночь.

– Если позволишь, то подвезу тебя до дома, – предложил Джон хриплым сексуальным баритоном.

В это время ко мне подошли родители. Поздравили. Падя вручил букет цветов. С мамой мы расцеловались. В присутствии Джона мне пришлось их называть Леной и Купом. Им тоже было неловко. Мама сориентировалась быстро:

– Ну, мы не будем тебя ждать, – сказала она, скользнув по Джону изучающим взглядом, при этом Куп окинул его взором, в котором читалась угроза, но Джон этого даже не заметил, он смотрел на Лену. – Ты звони, если что, – сказала мама, намекнув на наш утренний разговор, и повела Купа за локоть к выходу.

Смотрелись они идеально: высокий брутальный брюнет и стройная лёгкая блондинка.

– У Купа новая подруга? – спросил Джон, провожая их взглядом. Если бы он еще знал, как эта подруга держится на волне...

– Скорее старая, – сказала я, но, слава богам, Джон не стал вдаваться в подробности.

– Тогда понятно, почему он так слабо реагирует на тебя. У него уже есть дама сердца! И это хорошо! Давай помогу, – Джон легко подхватил мой реквизит, который я собиралась унести со сцены.

В огромном внедорожнике Джон довёз меня до дома, в котором я снимала квартиру. Несколько минут мы сидели молча. Он не напрашивался на чай, а я не представляла, как ему это предложить. Я вообще не знаю, как себя ведут в таких ситуациях. У Джона ситуация была хуже. В паху объём явно увеличился, и в тесных джинсах сидеть было неудобно, но он молчал.

– Н-ну, спасибо, что проводил, – промямлила я. Мысленно ругаясь известными мне матами на трех языках. Что делать-то? Я хочу этого парня сегодня ночью, как минимум. «Что мне делать?» – обратилась я мысленно в пространство. И, не дождавшись ответа, спросила Джона: – Почему ты не на соревнованиях? Вы же хотели с Бобом?

– Это Боб хотел. Он мечтает занять призовое место. А мне некогда, я менеджер по продажам в ..., – Джон с гордостью назвал австралийскую торговую сеть и начал рассказывать о своей работе.

Я его почти не слышала – перед моим мысленным взором стали возникать картинки, одна откровеннее другой. Вот тонкие пальчики проникают под ремень и освобождают возбуждённую мужскую плоть, и девичьи губы берут её в рот. Мама? Искра? Да, они обе могут такое проделать. Следующая картинка. Опять высвобождение из плена тесных джинсов и напрыгивание на шофёра прямо перед рулем. Комплекция мамы это позволяла, а если я на Джона так запрыгну – придется вызывать спасателей и вырезать нас вместе с рулем...

Пока я рассматривала неприличные картинки из жизни родных, Джон наклонился ко мне и поцеловал в щёку.

– Пока, – произнёс он осипшим баритоном.

И тут во мне сработала мамина прыть. Я обняла Джона за шею и запечатлела влажный поцелуй в губы. Дальше нам снесло крышу, и я только помню, что моё кресло стало запрокидываться назад, а его плоть всё-таки была высвобождена моими пальчиками из плена пояса, ремня и тесных джинсов. Первую страсть мы удовлетворили прямо на сиденье его шикарного внедорожника. Ура большим машинам!

Перевели дыхание, и Джон прошептал мне сипло:

– Я остановился в мотеле. Можно ко мне, если хочешь? – В темноте видно, как напряглось его лицо. Боится отказа?

– Не хочу в мотель, – произнесла капризно и взгляделась в него, он окаменел. – Хочу к себе в кроватку. Пойдем! – выдохнул, расслабился.

– А родители, там, друзья?

– Нет. Я живу здесь одна, когда концерты, чтобы не кататься ночью по шоссе.

Вышли из машины, и я увлекла его за собой.

Джонни оказался тем, кого обещал его внешний вид: отличным в постели. Я получила тот выход, который мне был так нужен, после ночи, проведённой в доме с родителями. Хорошо, что подо мной пустующая квартира, иначе бы соседи вызвали полицию. Потому что мы кричали и стонали всю ночь, одновременно пытаясь проломить моей неширокой кроватью пол.

– Какая же ты классная, – сказал Джон под утро, в очередной раз откатываясь с меня. – Я так сомневался: ехать на твой концерт или нет. У тебя же должен быть парень. Ведь у тебя кто-то был до меня?

– Не переживай, он остался в Германии. Наши отношения стали сходить на нет еще до моего отъезда. Сейчас мы даже сообщения друг другу не шлём...

– Ты невероятная! И отношения сошли на нет? – Джонни закинул руки под голову.

– Ну, понимаешь, отношения... Я живу музыкой. Он программист, дельтапланерист и крутой парень. Постоянные отношения скорее нас обоих связывали бы.

– А как мы будем? Я видел этих твоих друзей. Наверняка мажоры.

– Почему ты так решил?

– Я в торговле с пятнадцати лет. Уметь определить выгодного клиента – для меня способ выжить. Так что я оценил, на какой машине приехал Куп со своей подружкой.

– А они приехали на машине? У тебя машина не хуже, – вставила я.

– Да, но свою машину я смог купить на бонусы, полученные за успешные продажи в течение трёх лет! Вряд ли твой Куп занимался продажами.

– Нет, он не занимается продажами. Он крутой музыкант!

– Ты говорила, что он твой гитарист, я не видел его на сцене.

– К нему Лена приехала, и он отпросился.

– Предположим. Но твоя Лена тоже штучка дорогая. Я не говорю про одежду, хотя одни туфли стоят мою месячную зарплату. Серёжки – скромненько, но это белое золото с бриллиантами. Готов поспорить, что в пупке у неё пирсинг с бриллиантом в несколько карат. Про старинное кольцо с топазом даже не говорю.

Мог и не спорить. Так и есть. Падя-Зиль подарил ей колечко из белого золота с капелькой бриллианта в несколько карат. Мама как вставила его в пупок, так и не снимает.

Да уж, Джону в знании клиентов не откажешь.

– По-твоему, я тоже мажорка?

– Но ты не девочка из бедного квартала. Может, чуть скромнее их, но с золотой ложкой в зубах – это видно...

– Тогда на твоё усмотрение, хочешь, уезжай и не трави больше себе нервы. Хочешь, оставайся, но тогда не трави мне нервы своими комплексами к обеспеченным людям. Я приму

любое твоё решение, потому что предупреждаю сразу, я гастролирую. Сейчас будет тур до конца февраля по Австралии, а с начала марта по Европе.

– То есть ты всё равно улетишь в марте? – он приобнял меня.

– Да, – я потерлась щекой о его плечо, прислонилась и провалилась в сон.

И тут же оказалась в маленьком деревянном доме. Снова услышала обвинительные слова: «Изменница!» Опять увидела, как загорелись платье и волосы. Толстые каштановые косы трещали и дымились. Я стояла и даже не пыталась сбить пламя, только протянула руки к человеку, образ которого из-за пелены слёз видела нечётко: «За что, любимый?!» Тело охватил огонь. Мне очень больно. Я закричала.

Проснулась от боли. Джонни хлопал меня по щекам:

– Очнись! – в глазах испуг. – Ты чего? Не кричи.

Села в постели, обхватывая колени.

– Извини. Плохой сон...

– Я так и понял. Ты металась вся горячая и просыпаться не хотела, – парень как-то очень поспешно натянул одежду. – Я поеду. Уже шесть. Пока нежарко... Увидимся в Сиднее.

Сделал попытку поцеловать на дорожку. Поскольку я по-прежнему сидела, обняв колени, поцелуй получился смазанный. Джонни, неловко переминаясь с ноги на ногу, ушёл. Хлопнула дверь.

Ну, и ладно. Секс был хороший, а продолжение мне и не нужно... Хотя жалко. Но просыпаться от затрещин я не хочу.

5

Примерно в одиннадцать позвонила мама.

– У тебя все в порядке? – спросила сразу после соединения, как будто почувствовала что-то.

– Мам, не очень. Я хочу с тобой переговорить до отбытия в Сидней. Ты же знаешь, я меняю дислокацию. Мы выступаем в Сиднее пять дней, поэтому Майк с ребятами уже поехали на машине, а я обещала прилететь самолётом. Так что теперь буду жить в Сиднее.

– Но ночевать-то можно приходить домой, – засмеялась мама. – Хотя смотри сама!

Договорились встретиться через полчаса в кафе возле «Ночной Звезды», мама плохо знает город, и мы решили не рисковать с перемещениями.

Когда я пришла, мама уже сидела за столиком и изучала карту напитков. Мы обнялись и поцеловались. Тонкая, гибкая, длинные светлые волосы, заплетены в модную косу. Даже несмотря на то, что она уже семь лет пьёт китайские настойки от прохождения линьки, все равно выглядит моложе меня.

– Огонёк, с тобой что-то творится. Сегодня ночью было нечто страшное... – мама взяла меня за руку и ласково погладила по ладонке, в её глазах отражается знание обо всем нашем мире, по ним можно понять, что ей давно не 27.

Рассказала ей о том, что «холодные» сны сменились снами, в которых я горю.

– Ужасно. Похоже, он тебя сжёг.

– Кто?

– Этот зверь, который в холодной пещере. Ты разве сама этого не поняла?

Я отрицательно замотала головой.

– Тогда получается, что это мне снится моя прошлая жизнь?

– Скорее, обстоятельства прошлой смерти, – уточнила мама. – Он тебя сжёг, слинял побыстрому в какую-то холодную пещеру и завалился в анабиоз, чтобы дождаться твоего следующего рождения. Дождался... – мама тяжело вздохнула. – Драконья судьба, деточка... Теперь только остаётся расслабиться и дождаться развития событий. По моим прикидкам, в течение года вы встретитесь.

– Мам, разве с врагами тоже бывает такая сильная связь?

– В том-то и дело, что он тебе не враг. Он твоя истинная пара. Наверное, он не успел поставить на тебе свой дасмаль, поэтому не сдох после твоей гибели. И раз ему дали возможность тебя дождаться, значит, вы должны быть вместе для какой-то высокой цели, – мама ободряюще улыбнулась, продолжая поглаживать меня по ладонке. – По моему опыту самая высокая цель – это рождение какого-нибудь важного дракона. Видимо, настолько важного и мощного, что он готов был ждать столько времени.

– Мам, что-то мне не очень хочется встречаться с чело... ну, этим, который меня убил.

– Я не знаю, как этого избежать, – мама грустно улыбнулась. – Если это твоя драконья судьба, то чем больше ты будешь противодействовать, тем сильнее тебя это событие вовлечёт. Поговори с падей-Зилем, может он что-нибудь другое посоветует. А еще лучше посмотри в родовом свитке, наверняка какие-нибудь советы о том, как избежать неизбежного, там есть.

Я посмотрела на маму: она всё та же двадцатисемилетняя девчонка, а глаза мудрой драконицы.

– Мам, а что ты видишь про мое будущее? – я сжала её ладонь.

– Там всё хорошо, – мама высвободила руку. – У вас будут близнецы, – усмехнулась. – Потом ещё дети. Я не могу сказать их точное количество. Шесть или восемь. Просто сначала вижу вас двоих с двумя маленькими детьми. Потом через несколько лет и дети уже взрослые. – Она всмотрелась, куда-то сквозь меня. – Да, точно, первые близнецы – мальчики. А потом

и девочки, и мальчики, и по одному и по паре. Большой дом. Значит, вы обеспеченные. Ты хорошо выглядишь. Почти всё время, как сейчас. Значит, ты живёшь хорошо, не замотана жизнью.

– А как я с ним встречусь? Мне искать эту ледяную пещеру?

– Огонёк, пожалей, я не всё могу видеть. Что-то ты сама должна уже чувствовать. Хотя я свою судьбу не чувствую. Только через вас.

– Через нас? Что это значит?

– Вот сейчас смотрела твоё будущее и увидела Зиля с маленькой девочкой на руках. Я с твоими девочками-близняшками вожусь, а Зиль держит на руках нашу дочку. Значит, когда ты родишь своих девочек, у нас с Зилем появится очередная дочь, – мама улыбнулась. – Но сказать, когда именно это будет, через сто или триста лет, я не могу.

– Мам, ты беременна?

– Ты это почувствовала? – мама потупила глаза как школьница.

– Да!!! Так интересно! Держу тебя за руку, и как будто в тебе бьётся не одно, а три сердца!

– Уже бьются? – мама вопрошающе посмотрела на меня. – Кто? Мальчики? Девочки?

Я начинаю гладить её ладонь так же, как она мне несколько минут назад.

– Мальчишки! Сначала показались мне дракончиками, а потом подростками. Оба поют и играют на гитарах. Ой, картинка поменялась. Оба в белых халатах в каком-то кабинете. Много стекла... Смеются. Поняли, что удивили меня.

– На кого похожи?

– Ты имеешь в виду, кто отец? Как обычно, один блондин, второй брюнет! Мам, ты ждала что-то другое?

– Я – нет! Отцы опять будут пытаться выяснить. Кто хотя бы старше?

– Переглядываются и улыбаются.

– Хитрецы! – мама довольно рассмеялась.

– Ты в Берлин?

– Пока нет. Ещё немного побуду с Купом. Завтра хотим сходить волну половить. Пойдем с нами!

– Договорились!

Разговор с мамой многое мне прояснил. Вообще, после общения с мамой стало как-то светлее и легче. У меня будут маленькие братья! Приколно! Но и мысль о «суженном» не давала покоя. Какой-то был осадок от всего этого. Как я смогу связать свою жизнь с человеком... С драконом... С существом, которое меня убило?! Жуть какая. Поэтому сразу после выступления, успешно прошедшего в одном из концертных залов Сиднея, я, быстро приняв душ и переодевшись в домашнюю пижаму, шагнула в берлинский дом.

Падя-Зиль где-то в Сибири, поэтому теоретически дома никого нет. Но может быть домработница. Так что я вышла в свою комнату и долго прислушивалась. Никого и ничего не услышав, я тихо прошла по первому этажу и, убедившись, что домработницы нет, пошла в падин кабинет.

Строго говоря, кабинет был больше мамин. Это она много времени проводила в кабинете: писала статьи, переводила с иностранных языков и даже дополняла родовой свиток. Зиль и Куп проводили время в студии, которую Зиль пристроил к гаражу. Но для солидности кабинет считался падиным. Сюда он приводил своих деловых партнёров.

Я открыла массивную резную дверь и с удивлением увидела падю-Зиля, сидящего за письменным столом.

– Падя? – выдавила я сипло от удивления. – А мне все сказали, что ты в Сибири...

– Агуня? – не менее удивленно сказал он. – Рад тебя видеть! – поднялся из кресла, обнял меня и расцеловал в щёки. – Девочка, моя! Как хорошо, что ты зашла! – я прям почувствовала,

что его слова имеют еще какой-то подтекст, но от него веяло такой радостью от встречи со мной, что я не стала разбираться в ощущениях. – Что нам стоит сегодня быть в Якутске, а вечером дома? Ты вот тоже вроде в Сиднее. Во всяком случае, пять часов назад мама с Купом собирались к тебе на концерт. Кстати, меня даже не позвали... – снова недосказанность и волна печали.

– Да они были на концерте, – я не стала рассказывать, какими весёлыми они оба были.

– Агуня, скажи, тебе нужен этот дом? – спросил падя, когда мы сели друг напротив друга у огромного письменного стола. Он в кресло за столом, а я в кресло посетителя.

– Нужен. В смысле?

– Вы с Искрой уже взрослые. Выросли в этом доме, и, если хочешь, мы тебе его оставим.

Искра сказала, что не претендует.

– Ничего не понимаю. Ты говоришь загадками. О чём ты?

– Ты уже знаешь, что у нас в семье будет пополнение.

– Да. Братики! Сегодня разговаривала с мамой. Вернее, вчера, ну, неважно...

– Уже даже пол определяется... – многозначительно пробормотал падя.

– Думаю, что ещё не определяется. Просто я взяла маму за руку и увидела...

– Ага, то есть ты в маму пошла... – засмеялся падя. – Предсказываешь будущее!

– Получается, что да. Вот сегодня первый раз.

– Ну, так вот. Вы выросли, а мы вроде как не изменились. Соседи стареют, их дети, ваши ровесники, выросли тоже. А мы с мамой не изменяемся. После родов и очередной линьки мама снова станет двадцатилетней девушкой. Чтобы не вызывать удивлений соседей, нам нужно менять дислокацию. Думаю, Лена с детьми первое время всё равно будет жить в Раммельсберге. Замок нужно кормить детскими эмоциями, чтобы он и дальше служил нашему роду. А вот от этого дома нам придётся отказаться. Я готовлю легенду о том, что мы погибам в катастрофе. Дом подарим тебе, чтобы не было заморочек с наследством. Мальчишки подрастут, купим новый дом в Берлине. А может, в Россию переберёмся, там у Лены квартира, нужно и в ней пожить.

– Хорошо. Правда, для меня одной дом очень большой. Все же мы жили впятером... А как же Зи?

– Если будет приезжать в Берлин, пусть останавливается у тебя! – весело сказал падя. – Мне кажется, что он не будет жить в Берлине.

Я обошла стол и села к нему на подлокотник, обняла за шею.

– Па, я соскучилась по тебе...

– Я тоже, – он обнял меня за талию. – Всё же ты моя дочь. Хотя я об этом никому не скажу, – он весело подмигнул. – Давай, признавайся, зачем пришла? Что-то случилось?

– Почему обязательно случилось?

– Ну, тут не нужно быть провидцем. Пришла после концерта, ночью. В Сиднее же ночь. Крадёшься, удивилась, увидев меня. Значит, что-то нужно в кабинете, и чтобы никто не видел. Так?

– Так. Мама посоветовала посмотреть родовой свиток. О предсказаниях на мой счет.

– Странно. Мама лучше нас знает, что в свитке нет предсказаний.

– Она имела в виду ситуацию, в которой я оказалась, – мне пришлось рассказать паде об огненных снах и маминых предположениях. – Мама думает, что свиток может знать, как избежать мне этой участи.

– Если мама видит, что у вас все хорошо, так зачем избегать этой участи?

– Так он же меня убил!

– Мой совет. В следующий раз, когда ты попадешь в этот сон, моим именем и моей властью вели раскрыть жизнь и имя девицы, которая была сожжена.

– Так просто?

– Не просто, но либо скажи сама, либо призови меня. Мне тоже интересно, почему дракон не умер, а замерз с возможностью дожидаться перерождения любимой. Хотя... Представляю, каково это, без любимой... Замерзаешь... Бр-р! – он поёжился.

Па встал, подошел к шкафу за креслом, повернул ключик в замке и вынул из шкафа объемный родовой свиток.

– Знаешь, как пользоваться?

Я кивнула. Па подошёл к столу.

– Думаешь о теме, с которой пришла, и бросаешь на стол. Как правило, открывается в том месте, которое нужно. Только бросай без усердия, а то можно порвать, – и он направился к выходу.

– Па, ты куда? Не хочешь узнать, что пишут предки?

– Я сделаю ужин. Ты будешь? Если я останусь, то свиток считает с меня. И даст ответ на мои чувства. Так что потом расскажешь, что пишут предки.

Он вышел, а я постояла, собираясь с мыслями. Прокрутила в голове свои сны и ощущения от них. Вспомнила себя в огне и контур человека, к которому я тяну руки. И бросила свиток на стол.

Он упал ровными трубочками, и ничего не произошло. Я тяжело вздохнула. Похоже предки не хотят со мной говорить... Но всё же раздвинула рулончики в стороны. Ровно посредине начинался текст, написанный неизвестно когда каким-то моим предком:

«Мое неуёмное любопытство завело меня в сей забытый Богом угол. Унылы и серы окрестности. Унылы и серы стены разрушенного и заброшенного замка. С сего замка следует написать холсты и разослать во все дома драконов. Дабы служил оный пейзаж назиданием о том, что с другими расами не следует иметь дела.

Брюс, где ты ныне? Кто вспомнит твой величественный полёт? В своих изобретениях ты зашёл далеко, но не было такого, чтобы драконы искали истинную пару среди других рас. Ты отказался от прекрасных драконьих дев. Ты решил, что твоя истинная пара рождена в человеческом облики.

Но ты забыл, что людей может сдерживать только страх перед драконом. Эти хитрые твари не понимают доброго отношения. С ними нельзя иметь дел на равных.

Назиданием сему стали твои убитые надежды, твой разрушенный замок, твоя погубленная жизнь».

Затем еще три абзаца предок оплакивал своего друга и ужасался ветру в развалинах. Луч света на сюжет предок пустил только в последнем абзаце.

«Всё, что было отобрано у драконов, к ним и вернётся. Все, кто позарился на драконье, будут наказаны. Стюарты, обманом, подлостью и коварством завладевшие замком Брюса, извели себя под корень в течение пяти лет. Ибо сокровищницы замка Брюса не дались им».

И всё?!

Брюс, Стюарты... Кто эти люди? Стюарты – это фамилия или он так причудливо написал слово «слуги»?

«Какой хоть год?» – мысленно спросила я.

Слегка раздвинула свитки, присматриваясь, вдруг дату не заметила. Под записью даты не было, но перед ней шла запись другой рукой, и над ней стояла дата: 734/5/23. Запись была сделана хозяйкой и повествовала о том, что, пока хозяина не было в замке, пришлось нанимать людей, чтобы чинить крышу.

Значит, мой предок путешествовал весной 1734 года. Или 734?

Оставалось только вздыхать. Я сосредоточилась и задала вопрос: «Кто этот Брюс, и что он сделал?». Уронила свиток на стол.

«Рецепт зелья для наведения дурмана» – прочла я между раздвинутыми рулончиками.

Отлично – прям сейчас и наведу. Подкрутила рулончик вниз.

«Рецепт зелья для совместимости пары». После перечисления процесса варки и готовки ингредиентов надпись: «записано со слов Джейкоба Брюса».

Так-так-так... Значит, этот Брюс создавал зелья. Видимо, под словом «изобретания» мой предок понимал химические эксперименты. Так-так... Возможно, он придумал зелье, с помощью которого можно вызвать у женщины принятие генов дракона. Интересно!

При чём здесь зелье для дурмана? Перематываю свиток на предыдущий рецепт. Нет, этот рецепт не записан со слов Брюса, но стоит пометка, что при употреблении людьми вызывает смерть мгновенную, при употреблении драконами – вызывает помешательство с видениями. Непонятно. О, есть приписка: «запах зелья имеет миндаля. Если когда-либо, в еде ли, питье ли вы ощутите запах миндаля, вспомните, что это может вызвать дурман, коим был однажды подвергнут наш добрый друг Брюс».

Подняла свиток и мысленно повторила: «Брюс. Джейкоб Брюс». Какая-то тоненькая струнка отозвалась во мне. Я уронила свиток на стол.

Между раздвинувшимися рулончиками запись другим подчерком, начинающаяся с неразборчивой даты, но год виден четко – 1567. «Дошли слухи, что один из наших сородичей в далекой Скотландии вынужден принять на себя обед замораживания. Причины неизвестны достоверно, но говорят, что был обманут людьми и погубил свою истинную пару, которую не успел принять. Надеюсь, драконьи боги помогут ему дождаться её возрождения».

Автор отделался простой констатацией факта. Странно, что через сто шестьдесят семь лет мой предок оплакивал друга, а в год смерти просто констатация факта. Да уж к свитку явно приложили руку разные родственники – всем кому было не лень писать.

Я скрутила свиток и положила в шкаф, закрыв на замок. «Спасибо предки!» – поблагодарила мысленно. Значит, Джейкоб Брюс.

Вышла в кухню, где па сидел с тоскливым видом над кривым бутербродом. Рассказала ему о том, что поведал свиток. Он вроде оживился, но всё равно казался впадающим в анабиоз.

– Па, тебя не растормошить!

– Нет, у тебя это очень хорошо получается. Я замерзаю. Когда она вернётся?

– Па, пойдём к нам! Зачем тебе здесь сидеть?

– Не могу. Сейчас его время...

– Мне поторопить маму?

– Не надо.

Я сделала ему чаю, заставила выпить, съесть бутерброд, а потом проводила в спальню и укрыла одеялом.

– Это не линька? – спросила я, осенённая внезапной догадкой.

– Нет. Это моя реакция на отсутствие Лены рядом и отсутствие ощущения связи с ней. Ничего ей не говори. Она вернётся через неделю. Я продержусь. Купу приходится держаться дольше.

Сначала я присела на пол возле кровати, взяла па за руку и, прислонив голову к кровати, сидела так, пока не почувствовала, что засыпаю. Тогда я перелезла через па, накрылась пледом, прислонилась к его спине и мгновенно уснула. Мне было так спокойно и уютно, как не было уже давно. Я вспомнила, что в детстве, когда сбивала коленки или прищемляла пальцы, то бежала к паде-Зилу, он меня обнимал или дул на больное место, и боль уходила...

6

Проснулась у себя в номере под домашним пледом. На часах одиннадцать утра. Падя перетащил – я улыбнулась. У него там сейчас три часа ночи.

Запел гаджет. Мама. Они с Купом уже на пляже. Когда я буду? Пообещала быть через полчаса.

Но сначала позвонила Майку, чтобы узнать о наших планах на сегодня. Оказалось, что планов никаких нет. Поскольку мы уже неплохо сыгрались, то он дал нам небольшой выходной. Поэтому сегодня собираемся в концертном зале в пять вечера, до семи успеем прорепетировать. Сказала ему, что иду на пляж сёрфить.

Умылась, расчесалась, надела купальник, лайкру и шагнула на пляж, на наше обычное место. К счастью, родители были там и очень страстно целовались под пляжным зонтиком.

– Гм! – громко сказала я. – Ма, па! Я уже здесь!

– Привет! – ответили они хором, отстраняясь друг от друга.

– Вы уже сёрфили?

– Да, разочек, – сказала мама.

– Пойдём! Вы, кстати, мою доску взяли?

Родители переглянулись.

– Можешь взять мою, – опять сказали хором и рассмеялись.

– Так, с вами всё понятно, – взяла ближайшую доску и направилась к морю.

– Эгнес! Эгнес!

Повернулась на голос – Майк Ост собственной персоной. В костюме для сёрфа и доской в руке подбежал к нам, ослепляя улыбкой.

– Дядя Куп, тётя Лена, приветствую! – пожал руку Купу.

– Майк, рада тебя видеть! – мама легко вскочила и расцеловала парня в щёки. – Как ты вырос!

– Мам, – одернула я её, посмотрев укоризненно.

Мама быстро перестроила свое поведение с «тёти Лены» на «Лену».

– Да, что-то я забылась, – сказала она смеясь. – Решил к нам присоединиться?

– Да. Эгнес сказала, что будет сёрфить. Вот решил, – Майк отвел руку с доской, показывая, что именно он решил.

– Пошли! – схватила Майка за руку и потянула к морю. Не хочу, чтобы он обратил внимание, что мама с Купом и без Зиля.

– Зиль тоже здесь? – всё же заметил – вот любопытный!

– Да. Но он не катается, ты же знаешь.

– Знаю. Он летает.

– Точно!

Мы поймали волну. О, а Майк здорово держался!

– Не знала, что ты катаешься! – восхищённо сказала я, когда вышли на берег.

– А ты считаешь, что я умею только деньги стричь с молодых дракониц? – одарил лукавым прищуром серых глаз.

– Как-то так, – засмеялась я, усаживаясь под зонтик. Родители куда-то делись, и подстилки были свободными.

Майк сел рядом.

– Мне кажется, что ты меня избегаешь, а общаешься только по работе.

– Не замечала, что ты ищешь со мной общения, помимо разговоров о концертах, – успела ответить я, в этот момент мы увидели весёлых и довольных Лену и Купа, которые вышли на берег и направилась к нам.

– Как здорово! – крикнула Лена.

Они подошли к нам, бросили доски, и Лена легла на соседнюю подстилку. Куп сел рядом, а потом вообще вытянулся на песке.

– Шикарная погода! Поэтому и волна классная! – восторгалась мама.

– Ты просто давно не каталась, – сказал Куп, – поэтому тебе так понравилось. Огонёк, подтверди, неделю назад волны были выше.

– Да, мам, правда!

В это время я увидела Боба и Джонни, проходивших мимо. Джонни сделал вид, что меня не заметил, хотя они проходили в паре метров от нашей группы. Но Боб меня увидел и резко повернул к нам.

– Привет! – протянул руку для пожатия Купу.

Джону ничего не оставалось, как тоже поздороваться и присесть рядом.

– Как твои достижения в соревнованиях? – спросила я Боба.

– Отлично! Забрал два приза! – похвалился парень. – Кстати, завтра снова будут соревнования. Теперь проводят ребята из муниципалитета. Я записался.

Я сделала страшные глаза, пытаюсь дать понять Бобу, чтобы он остановился, но было поздно.

– Где записывают? – спросила Лена.

– Хочешь поучаствовать? – удивился Боб.

– Хочу получить приз, – скромно ответила мама.

– Тогда вам во-он туда, – Боб показал, куда нужно идти и кого найти для записи на участие.

Я посмотрела на него, стараясь испепелить взглядом, но увы...

– Лена, а драконы умеют сжигать взглядом? – спросила я.

– Нет. Роммельсберги не умеют испепелять. Они поющие, – засмеявшись, сказала мама.

– Тогда я тоже запишусь, – сказал Куп.

– Я тоже, – вставил Майк.

Все трое поднялись и направились туда, куда указал Боб.

Я посмотрела на Боба и состроила злобную рожу.

– Вот кто тебя за язык тянул? Быть тебе без приза от муниципалитета! – предупредила я Боба.

– Почему?

– Они заберут, – пообещала я. – А если не они, то мне придется!

Я поднялась и поспешила за ребятами.

При записи на участие, мы с Купом сообщили, что не являемся ни жителями муниципалитета, ни гражданами Австралии (я в тайне надеялась, что нас не допустят), но парни, которые вели регистрацию, пришли от этого в ещё больший восторг.

– Отлично! Тогда мы сейчас допишем на плакате, что состоятся международные соревнования!

Так мы все оказались участниками «международных» соревнований. Меня узнали как известную певицу, Ост тут же начал переговоры о моём выступлении на открытии соревнования.

Я с укоризной посмотрела на маму.

– Агуня, будет весело! А Майк пусть договорится и использует твоё участие в рекламных целях, – легко сказала мама.

Как же у неё всё просто!

7

Было действительно весело: организаторы превратили соревнования в праздник местного масштаба. Я спела только одну песню. Всех желающих услышать моё пение пригласили на выступления, а не желающим меня слушать была предоставлена возможность смотреть на мои гонки на волнах. Наша команда собрала все призы. Мама получила первый приз среди женщин, украсив своим лицом местные газеты. Я заняла второе место, успокоилась и больше не участвовала. Куп занял первое место в соревновании мужчин, Ост второе, уступив Купу несколько баллов в общем зачёте. Человек, занявший третье место, шёл от них с большим отрывом.

Боб, как я и предполагала, остался без призов, заняв почётное восьмое место.

Через два дня после соревнований мама ушла в Берлин. Падя-Куп остался счастливым и задумчивый. Всё наше семейство погрузилось в ожидание пополнения.

С Майком нам никак не удавалось переговорить о своих отношениях, потому что концертная жизнь захлестнула нас с головой, и вся работа по организации, размещению, перелётам легла на Майка. Он даже взял себе секретаря (или помощника), потому что уже физически не успевал общаться со всеми. Причиной этого цейтнота стало моё неожиданное участие в соревнованиях по сёрфингу. Моё выступление на открытии дало такую рекламу, что тур по Австралии прошёл с большим аншлагом. Пришлось давать дополнительные концерты и изменять график выступлений. Нам даже поступило приглашение из Новой Зеландии. В феврале объехали и её, выступили в пяти городах: Окленд, Веллингтон, Крайстчерч, Гамильтон, Данидин.

Весь период гастролей по Австралии и Новой Зеландии Майк придерживался со мной исключительно деловых отношений. Одной из причин, на мой взгляд, стал повышенный интерес прессы к моей личной жизни. Со дня моего выступления на открытии соревнования, моё лицо каждый день появлялось в какой-то газете. Интернет обсуждал каждый мой новый концерт (хорошо, что пока с восторгом). И в интернете, и в газетах меня называли самой завидной невестой, намекая на богатство европейских родственников, а также на хорошие гонорары. Гонорары и правда выросли, а вот толп поклонников я не заметила. Хотя, возможно, Ост принял какие-то дополнительные меры защиты, потому что я несколько раз на выступлениях видела Джона, но он так ко мне и не подошёл. Песню о волнах и ветре я теперь посвящала всем любителям сёрфинга.

Переговорить с Майком без посторонних у нас получилось только на следующий день после окончания гастролей по Новой Зеландии. Утром группа отбыла в Рейкьявик. Да, вот так вот! Следующим местом моих гастролей стала Исландия. Мы с Майком летели самолётом завтра. С нами были еще гримеры: два брата бодибилдера, но во время совместного ужина они деликатно испарились.

– Наконец-то нам удалось остаться одним, – произнёс Майк, лаская меня своими серыми глазами, в обрамлении пушистых ресниц.

– Ну, не совсем одним, – я кивнула на зал ресторана.

– Хочешь, давай, поднимемся в номер, но я хотел объясниться здесь и сейчас.

– Объясниться? Такое старинное выражение...

– Агния, я давно тебя знаю.

– С детства.

– Да, мы знакомы с детства. Ты всегда была для меня принцессой из замка Раммельсбергов.

– Да, ладно! – я неловко засмеялась. – Принцесса у нас Искра: светлые волосы, тонкая, хрупкая.

– Я тебе говорю про свои ощущения. Вспомни Белоснежку. Она как раз темноволосая и не худенькая.

– Спасибо, – я уткнулась в бокал с вином, чтобы не рассмеяться корявому комплименту.

– Пока не за что. Я пытаюсь сказать, что давно влюблён в тебя.

Упс!!!

Не то чтобы для меня это было неожиданно или неприятно, но я растерялась. Я была не готова к признанию в любви... От Майка.

– Не пугайся, – продолжал Майк. – Я не прошу тебя отвечать мне взаимностью, но я вижу, как ты раз за разом встречаешься с какими-то мутными парнями. Может, лучше встречаться со мной?

Я пожала плечами.

– Ты мне тоже симпатичен, Майк... Но понимаешь, все эти парни, с которыми я встречалась, они люди... Я сознательно иду на эти связи, потом сознательно выбрасываю их из головы, потому что у нас с ними нет будущего. Даже если кто-то из них в меня по-настоящему влюбится, то через полгода забудет. Ты – другое дело...

– Ты хочешь сказать, что тебя волнуют мои переживания?

– Да. Даже если мы сейчас не говорим о любви. Меня волнуют твои переживания, потому что мы с тобой вместе уже, – я попыталась быстро сосчитать, сколько лет мы вместе, – семь лет. Ты ни разу меня не обманул, не кинул. Я не хочу поступать с тобой плохо.

– Интересно, что ты имеешь в виду под словом «плохо»? Когда я вижу, что ты едешь к себе на квартиру с очередным мачо, это хорошо? А спать со мной это плохо? И кстати, вместе мы восемь лет, семь месяцев и двадцать один день!

– Извини, но ведь у тебя за эти восемь лет, семь месяцев и двадцать один день, тоже были девушки и женщины. Ты вроде даже как-то жениться собирался. В какой момент я должна была понять, что безразлична тебе?

– Чёрт! Мы ругаемся? – спросил Майк с каким-то недоумённым видом.

– Нет! «Объясняемся»! – рыкнула я. – Может, пойдём в номер, а то мне кажется, мы привлекаем внимание. Ещё чего доброго меня разместят на обложке с какой-нибудь жуткой подписью.

– Пошли! – Майк поднялся и решительно пошёл на выход.

Я пошла за ним. Всю дорогу к номеру я прокручивала варианты ответов на его признания, поэтому была совершенно не готова к тому, что, едва переступив порог номера, Майк начнет меня целовать.

Его губы пахли вином и шоколадом... Точно, на столе были шоколадные конфеты. И целовался он классно. Я ответила и почувствовала, что хочу его. Он мне нравится давно и...

– Эй, ребята! – знакомый и любимый голос звучал сейчас совершенно противно. – Майк, я знал, что тебя нельзя оставлять наедине с Огоньком, ты меня не разочаровал!

Падя-Куп сидел в кресле посреди моего номера, как обычно, в драных джинсах и растянутой футболке.

– Падя? Ты что здесь делаешь?

– Неправильный вопрос, – из-за шторы вышел падя-Зиль. – Правильный: что вы здесь делаете?

– И что вы здесь делаете?

– Забираем тебя и уводим домой, – Зиль сказал тоном, не терпящим возражений.

– В чем дело? – спросил Майк. – Чем обязаны таким высоким посещением?

– Вам не нужно быть вместе, – лениво ответил Куп.

– Пади, но мы вместе уже восемь лет, семь месяцев и двадцать один день! Почему именно сегодня вы взяли за нравственность?

– Вам нельзя заниматься сексом, – ответил Зиль, но ясности не внёс.

– Вас когда ждут в Рейкьявике? – спросил Куп.

– 23 февраля, – ответил Майк, в глазах огненный всполох. – Мы прилетаем туда как раз утром.

– Очень хорошо. Вот утром 23 она будет встречать тебя в аэропорту Рейкьявика, а сейчас ты идешь с нами, – Куп встал рядом со мной и взял меня под руку. Зиль встал сзади.

Неожиданно для меня Майк трансформировался. Вполне симпатичный дракон, молодой, но уже всё при нем: широкие крылья, кручёные рога, длинные когти и очень красивый кобальтовый цвет тела: серебро с голубизной.

– Оплачивать разрушение в номере будешь сам, – лениво сказал Куп и принял драконье обличие, раздвигая крылья и опуская голову с рогами в угрожающей позе. При этом отлетел в сторону и треснул стеклянный столик, оказавшийся на пути трансформации. Куп пустил из ноздрей дым с искрами.

Ост тоже принял угрожающую позу, но по размеру он был в два раза меньше Медного.

В это время сзади послышался треск ломающейся кровати – это после трансформации грозную позу принял Зиль.

Если Медный в два раза был больше Майка, то Серебряный был в полтора раза больше Медного. Он заполнил собой всю высоту номера, при этом угрожающую позу принять не удалось: крыльям мешали кровать и стены, а голова упёрлась в потолок.

– Всё! Всё! Пади, я иду с вами! Куда? Домой в Берлин? – обняла Майка за серебристо-голубоватую шею и поцеловала в морду. – Вот видишь, что из наших «объяснений» получилось, – развернулась и шагнула в гостиную нашего берлинского дома.

– Пади, что всё это значит?! – меня колотило от злости. – Вы всерьёз озаботились моим моральным обликом? Это родительский произвол!

– Агуня, пойми, – оказалось, что в гостиной сидят мама с Остом-старшим, – так нужно.

– Огонёк, послушай, вы сейчас с Майком чуть всё не испортили, – Куп попытался меня обнять, но я вырвалась и удрала в свою комнату.

Нет, сидеть в комнате я не собиралась. Блин, я чувствовала себя какой-то малолеткой, которую учителя застукали в спортивном зале на матах с одноклассником. Что за чушь! Я давно уже не школьница! Я взрослая женщина даже родители не вправе вмешиваться в мою личную жизнь! Переделалась в байкерский костюм и переместилась в гараж. Оседлала очередной чудо-байк пади-Зиля и помчалась по улицам города.

Сделав несколько кругов, я почувствовала, что меня отпустило. Завернула в какой-то бар и заказала безалкогольное пиво. Достала сигарету, прихватила зубами и полезла в карман за зажигалкой. В этот момент кто-то слева поднёс мне зажжённую спичку. Прикурила и подняла глаза на человека, гасящего огонек щелчком пальцев.

– Зи! – заорала я от радости и бросилась на шею моему старшему брату. – Зи! Откуда ты здесь? Хотя о чём это я. Старшие подослали...

– Подослали, – звонко чмокнул меня в щёку. – Думают, что ты можешь что-нибудь с собой сделать.

– Идиоты! Причём все четверо! Тебя считать? – Зи отрицательно замотал головой. – У нас с Майком всё не настолько запущено, чтобы я хотела с собой что-нибудь сделать. Но вот что-нибудь бы разбила, кого-нибудь бы прибила... Тебя они тоже из-за меня выдернули?

– Нет. Я сам. Мимо пролетал, – улыбнулся во все зубы, сколько есть. – Сестрёнка, как я, оказывается, по всем вам соскучился! – прижал меня к себе.

– Я тоже. Ост устроил мне в этом году гастроль не только по Австралии, но и по Новой Зеландии, а завтра я должна быть в Рейкьявике, вернее, послезавтра. Всё уже перепутала с этими переходами.

– Ерунда, главное помнить, когда ты где-то должна быть. Приходишь и первым делом узнаешь дату. И никакой путаницы. Я подозреваю, что можно и во времени так перемещаться, но сам не пробовал.

– То есть?

– Ну, вот как ты перемещаешься? Задаешь место, где тебе нужно оказаться или человека, с которым хочешь встретиться, и перемещаешься. Думаю, так же можно заказать, например, день твоего рождения, госпиталь. И посмотреть, как ты появлялась на свет.

– Ну, с этим событием я знакома даже лучше, чем мама и пади. Они отвлекались, волновались, но всё записали. Мы с Искрой наши появления на свет пересмотрели миллион раз!

– Я же для примера, какая ты прямолинейная.

– Подожди, ты сказал, что в Берлине оказался не из-за наших проблем. Тогда почему?

– Кэт куда-то пропала. Со мной Магда связалась. Сама понимаешь, при её несогласии на наши отношения, обращение ко мне за помощью – это крик отчаяния.

– Опять кого-то хакнула?

– Об этом она Магде не рассказывает.

– А па Зиль что говорит?

– У них опять сезон размножения, поэтому они даже если понимают, что происходит, то не очень адекватны. У них же сейчас есть только один центр вселенной – мама. Правда, на тебя среагировал, наверное, инстинкт защиты потомства, – Зи рассмеялся.

– Я, честно сказать, не поняла сегодняшнего выхода родителей. Мы с Остом уже почти девять лет вместе работаем. Уже сто раз переспать могли, а они именно сегодня объявились. Поэтому я в негодовании.

– Агунь, я думаю, всё не так просто и все эти девять лет они вас блюдут. А сегодня вы превзошли их ожидания. Вот они и явились.

– А тебе как они это объяснили?

– Всё просто. У тебя есть суженый. У Майка суженая. Причём, как вариант событий, вы можете быть вместе с Майком и даже создать семью, но когда объявится твой суженный, может быть армагеддец, – Зи понял, что я не поверила его словам. – «Армагеддец» – так мама сказала.

– Ну, если мама, – протянула я. – Что-то мне этот суженный всё больше и больше не нравится. Вот как я должна полюбить человека – надеюсь, он предстанет в человеческом облике – который примерно пятьсот лет назад меня сжёг, а теперь все должны ходить на цыпочках и заставлять меня хранить ему верность...

– Об этом ты вообще не парься. Уверен, всё сложится так, что ты сначала в него влюбишься без памяти, а потом вы поймете, что ты его истинная пара.

– Ты так легко об этом говоришь, как будто сам нашёл свою истинную пару.

– Так я и нашёл, только дурак, туплю. Я даже не нашёл её. Она всегда была рядом.

– Надеюсь, ты про Катю?

Вместо ответа Зи кивнул.

– Понимаешь, я сейчас её не чувствую вообще. И от этого очень неприятно, холодно и пусто, где-то в районе сердца.

– Ты когда её найдешь, то первым делом поставь метку. Укуси её! А вообще я не против, если у меня будут племянники – летающие лисята!

8

Снег, лёд, облизанные ветром до состояния льда скалы – однообразный пейзаж на многие мили вокруг. Над всем этим дует ветер...

Бр-р! Пейзаж как из моего повторяющегося сна. Только сейчас день, светло и снег со льдом сияют до рези в глазах. Синее небо и припекающее солнце. Мы в Гренландии.

После успешных гастролей в Исландии нас занесло в Гренландию. Всего два выступления, но оплата оказалась хорошей.

Пользуясь свободным временем – целых два дня до самолёта в Данию – мы вписались на экскурсию. В чью-то «светлую» голову пришла идея снять клип на песню Frozen. Собственно, снимать клипы в местах, где мы гастролируем, у нас стало уже традицией. В Исландии специально съездили на гейзеры, хотя у нас было очень мало времени до отлёта.

Сейчас времени много, поэтому от первоначальной задумки снимать меня на айсбергах отказались и заказали экскурсию в ледяные пещеры, где-то в середине острова.

Туда нас с утра доставили на вертолёте. Авиакомпания дала нам на съёмки четыре часа, чтобы успеть назад дотемна.

Проводник показал нам очень красивые ледяные пещеры. Сейчас, в начале апреля, солнце стало сильно припекать, протаивая в стенах пещер ледяные «окошки». Солнечные лучи, попадая в пещеры через эти подталости, нереально преломлялись и отражались, образуя волшебную подсветку в самых неожиданных местах пещер.

Меня обрядили в какие-то языческие одежды, больше похожие на наряды местного населения. Просторная хламида, расшитая узорами и бисером, с капюшоном, отделанным мехом белого песка. Заплели две длинные косы, украсили их разноцветными камнями. Лицо расписали веточками инея. Ресницы удлиннили и тоже нанесли иней на кончики. В общем, я получилась такой полуэскимосской снегурочкой...

Краем глаза заметила, что какого-то парня нарядили в средневековые одежды. Видимо, по сюжету клипа он и будет тем самым «отмороженным» с закрытым сердцем.

Мы со съёмочной группой долго рассматривали пещеру, переходили из одного зала в другой. При этом оператор старательно снимал окружающую красоту.

Остановились в зале, одна стена которого напоминала уснувшего дракона. Примерно так выглядел падя-Зиль, когда принимал свой драконий облик и ложился в гостиной замка Раммельсберг перед диваном, на котором сидела мама.

Удивительные образы порой создает природа. Я даже подошла и потрогала стену. Она оказалась совершенно заледеневшей с застывшими потёками в нескольких местах. Солнце пробивалось в центре зала через протаявшее ледяное «окошко», и разноцветные лучи освещали пещеру. Один лучик, несколько раз отразившись от поверхностей, упал, разбегаясь веером по боку ледяной стены, из-за чего стена, засветившись всеми цветами радуги, стала походить на чешую дракона.

Я вышла на середину зала, встала как раз под световым потоком. Оператор уже поставил камеру и навёл на меня, предложив мне подвигаться, чтобы ему было понятней, куда требуется дополнительный свет.

Потом оператор убежал. Пришли его помощники со штативом, дополнительной камерой и прожекторами. Всё расставили и велели мне ждать. Затем появились ребята из съёмочной группы и принялись, хаотично перемещаясь вокруг меня по пещере, тянуть провода, выставить свет, поправлять мне грим. В какой-то момент все куда-то разбежались, а я осталась в центре зала, чего-то ждала и смотрела на стену, похожую на дракона. Чтобы как-то себя занять, начала распеваться, а потом запела:

«You only see what your eyes want to see»

...

«When your heart's not open»⁴

Пропела первые два куплета. Мне понравилось звучание. Захотелось взять выше и громче.

«If I could melt your heart
We'd never be apart»

...

«You hold the key»⁵

Пропела третий куплет и так хорошо вытянула это «You hold the key», что послышался какой-то рокочущий звук, как мне показалось, очень удачно совпадающий с моим звучанием. Поэтому следующий куплет я спела еще громче:

«Now there's no point in placing the blame»

...

«My heart will be broken»⁶

Мне показалось, что оконце подернулось трещинами, но звук в пещере был такой замечательный, так здорово отражался от стен, что я продолжила, взяв еще выше:

«Love is a bird, she needs to fly».

.....

«You're frozen
When your heart's not open

If I could melt your heart...»⁷

Тут-то всё – и бабахнуло! Лёд в окошке лопнул, с потолка пещеры посыпалась ледяная крошка. Я, натягивая на голову меховой капюшон, бросилась под укрытие стены, которая покрылась трещинами и вибрировала.

Обхватив голову руками и прижав лицо к коленям, я вжалась в самый дальний угол. Из-за акустики в пещере стоял такой шум, что казалось, будто я сейчас провалюсь в тартарары. Но всё быстро успокоилось. Когда я подняла голову от колен, то увидела, что пещера наполнилась людьми, а около меня, среди осколков ледяной стены, лежал мужчина в средневековой одежде.

Когда же это он, бедолага, успел? Вроде никого не было в зале. Я подползла к нему на четвереньках. Крупный, высокий, тёмные спутанные волосы. Голова чуть запрокинута, а на виске кровоточащая рана. Я приложила голову к его груди – сердце стучало, а его широкая грудь равномерно вздымалась. Вздохнула с облегчением: он просто без сознания.

Ко мне подбежали ребята из съёмочной группы. Впереди всех Майк. Подхватил меня, принялся осматривать и ощупывать.

– Ты как? Цела? Ну, ты, мать, распелась! Чуть землетрясение не вызвала.

Меня вывели из пещеры. Возле бедолаги остались хлопотать ребята-помощники и почему-то оператор с осветителем.

Несмотря на наши усилия, раненый мужчина в себя не пришёл, и мы решили эвакуироваться, чтобы срочно доставить его в госпиталь.

---

⁴ Ты видишь только то, что хотят видеть твои глаза. Как же жизнь может быть только такой, какой ты хочешь? Ты леденеешь. Когда твое сердце не открыто. Ты так поглощен тем, сколько получаешь, Ты тратишь свое время на ненависть и сожаления. Ты разбит, Когда твое сердце не открыто.

⁵ Если бы я смогла растопить твое сердце. Мы были бы неразлучны. Отдай мне себя. Ключ – у тебя в руках.

⁶ Теперь нет смысла искать виноватого, И ты должен знать, что я страдаю так же сильно. Если я потеряю тебя, Мое сердце будет разбито.

⁷ Любовь – это птица, ей нужно летать. Позволь всей боли внутри тебя умереть. Ты леденеешь. Когда твое сердце не открыто. Если бы я могла растопить твое сердце...

На обратном пути народу в вертолет набилось много. Кроме нашей группы в костюмах, в салоне оказалось несколько посторонних туристов в касках и ярких комбинезонах. В общем, по прилёту в аэропорт мы напоминали пёстрый табор. Когда я выходила из вертолета после того, как вынесли раненого, то заметила мужчину, одетого в средневековую одежду. Не поняла, сколько всё же переодетых парней было на площадке и в пещере, но Оста спрашивать не стала, потому что это вполне мог оказаться посторонний турист. Ост и так был явно не в себе от пережитого. Как схватил меня в объятия в вертолете, так и держал, пока не пришли в гостиницу. Только проводя меня до двери номера, произнёс:

– Когда я услышал обвал в пещере и понял, что ты там, я думал, умру на месте. Сердце оборвалось. Ты молодец, сориентировалась, забралась под скалу, – нежно поцеловал в лоб.

На следующий день я встретила помощника, который переносил раненого, и спросила, как дела у пострадавшего. Он сказал, что после доставки в госпиталь они его судьбой не интересовались. Я предложила сходить в госпиталь, помощник не отказался.

В госпитале доктор, явно из местных, дружелюбно рассказала, что у парня легкое сотрясение мозга, но она не может объяснить, почему он не понимает, что ему говорят, и не помнит, что произошло.

– Странно, – сказал помощник, – когда я вчера набирал массовку, все говорили по-английски. Мне сложности с переводом на площадке не нужны.

Доктор разрешила пройти в палату к пострадавшему.

Сегодня при хорошем освещении мне его удалось рассмотреть. Высокий, крепко сложенный мужчина примерно тридцати пяти лет. Копна тёмных длинных волос перехвачена медицинской повязкой, густая растительность на лице. Сегодня он был в больничной одежде, поэтому образ средневекового вояки, запечатлевшийся у меня в памяти, развеялся.

Мы вошли тихо, и я рассматривала его некоторое время, пока он не открыл глаза густосерого цвета, о таких говорят – стальные. Он увидел меня и, мне показалось, улыбнулся. Я присела на краешек кровати и хотела взять его за руку, но он потянул руку к моему лицу и, приложив ладонь к моей щеке, произнёс что-то вроде:

– Фарефлай фа син пио⁸

В тот момент я пропустила незнакомые слова мимо ушей, потому что доктор стала спрашивать, как его зовут. Я взяла его за предплечье и повторила вопрос доктора, проговаривая каждое слово.

– Как тебя зовут?

Он ничего не сказал, только смотрел на меня посветлевшими серыми глазами. Я отпустила его руку. Доктор продолжала.

– Нам придётся его выписать. Документов нет, страховки нет. Я не могу его держать, у нас нет благотворительных мест.

– Мы оплатим, – поспешно сказала я. – Я оставлю реквизиты компании. Германская компания подойдет?

– Конечно, подойдет! – оживилась доктор.

– Только, пожалуйста, не выписывайте его больного, то есть, пока не поправится.

– Пойдёмте, оформим документы на оплату, – живо взяла меня в оборот доктор.

Я пожалала бедолаге предплечье, ощутив упругость мышц, и помахала рукой.

Помощник пошёл в гостиницу, а я ещё двадцать минут заключала соглашение на лечение пострадавшего в пещере. Когда с оформлением договора было закончено, я попросила у доктора конверт, который она дала без всяких расспросов. Я открыла кошелёк, в котором ока-

---

⁸ Firefly, tha sinn beò...

залась тысячная купюра. Её-то я и вложила в конверт и, не запечатывая, попросила доктора передать пострадавшему. Та пообещала это сделать при выписке.

9

Уютный домашний ужин в берлинском доме, как в былые времена. Не хватало только Искры.

Как долго я добиралась домой. После Гренландии Ост провёз меня с гастролями по Норвегии и Швеции, в итоге дома в Берлине я появилась только в начале мая.

За ужином я в красках рассказала семье о своих гастролях и, в том числе, о случае в пещере.

Падя-Зиль, увлечённо наматывая макароны на вилку, спросил:

– Что с этим мужиком-то? Живой?

– Да. С ним всё в порядке. Мы на следующий день ходили к нему в госпиталь. Врачи сказали, что сотрясение несильное, только он потерял память и как будто не понимает по-английски.

– Так он, наверное, местный, – предположил Зи. – Они там не всегда по-английски понимают.

– Нет, он не местный, у него вполне европейская внешность. Хотя помощники говорят, что вообще не помнят, чтобы нанимали его.

– Интересно... В ледяной пещере, говоришь, – протянул па.

– Когда вы к нему ходили, он был в сознании? – спросила ма. – Что делал?

– Был в сознании, – я попыталась воспроизвести в памяти нашу встречу, – лежал с перевязанной головой. Когда услышал, что мы вошли, открыл глаза, протянул ко мне руку и сказал: «Фарейфлай фа син пио», – воспроизвела я, как помнила, звучание фразы.

Мама нахмурилась.

– Ещё раз и медленно.

– Фарейфлай фа син пио...

– Светлячок, мы живем...⁹ – мама переглянулась с па. Повисла пауза.

– Он меня назвал Светлячок? – я перевела глаза с мамы на па. – Джейкоб Брюс? Я бестолковая...

– Нет, ты толковая, это обстоятельства складываются так, что не сразу можно понять, – произнёс Зи, вздохнув, и добавил бодрым голосом: – Кстати, что ты там говорила про свой новый клип, покажи. Заодно разглядим этого мужика.

– Да он набрал за первую неделю десять с половиной миллионов просмотров!!! – я быстро вывела с Трубы изображение на стену в Визор.

Вот я в середине пещер осматриваюсь и начинаю петь. Камера скользнула по сводам пещеры, как будто повторяя мой взгляд. Фантастическая пляска радуг на льдинках и сосульках. Камера взяла моё лицо с длинными ресницами, «покрытыми инеем», скользнула по косам в самоцветах. Самоцветы заблестели, как льдинки. Вот я усилила голос, и камера поймала момент, когда лопнуло ледяное оконце (как они это сделали, ведь в пещере, кроме меня, никого не было?). Камера поймала и тряску пещеры, и падение глыб, и даже как я на словах «If I could melt your heart...» дотронулась до лежащего мужчины и приложила ухо к его груди. Затем камера медленно переместилась на окровавленный висок. И вот опять в кадре я с куплетом о том, что нет смысла искать виноватого, что я сильно страдаю и моё сердце будет разбито, а в центре пещеры, снова трескаются льдинки, но уже в другом месте. Следующий кадр: пострадавшего в госпитале приводят в себя, виден кардио-аппарат с пульсирующими зубцами. Ролик

---

⁹ Firefly, tha sinn beò...

закончился на кадре, где я, прижимая руки к груди и опуская ресницы, произнесла: «If I could melt your heart...»¹⁰

Родственники разразились аплодисментами.

– Класно! – крикнула мама и обняла меня. – Ты у нас такая красивая! Ну, мужчины, что вы молчите?

– Клип – шедевр! – высказался Зи. – Сестрёнка, но после просмотра клипа, мне кажется, что этот мужик просто фейк. Твоя съёмочная группа тебя протроллила насчёт неизвестного мужика, попавшего под обвал. Всё так и было задумано. Ты рассказываешь, что пещера внезапно обвалилось, но съёмка явно с нескольких камер и разных ракурсов. Так что у них уже заранее стояли камеры по пещере и это ещё раз подтверждает, что всё – постановка! Расслабься, этот мужик не Брюс. Выдохни!

– А можно ещё раз, – попросил падя.

Зи включил клип. В этот раз мы смотрели с остановками, разглядывая каждую трещину и каждый камень.

– Вот эта стена рассыпалась и она похожа на дракона! – я остановила клип на месте, где камера скользит по стене. – Ещё когда на неё упали солнечные лучи, мне показалось, что подо льдом чешуя дракона.

– Правда похожа, – согласилась мама. – Но если это дракон, то какой большой!

– Не больше меня, – сказал па недовольным тоном, – просто он в ледяной глазури. На нём глазури несколько тонн, за пятьсот-то лет!

Мы втроём переглянулись и попытались сдержать смех. Па нашу мимику уловил и одарил взглядом, полным укора.

Когда клип дошел до места, где видно лицо пострадавшего, мы несколько раз прокрутили эти кадры. И единодушно пришли к мнению, что он точно дракон.

– И что мне теперь делать? – я посмотрела на родителей, но уперлась взглядом в падю.

– А что хочешь, то и делай? – как-то очень беззаботно ответил он. – Ты девочка большая, самостоятельная. Только замуж за Майка Оста не выходи.

– Вот так всегда, когда нужен совет, вы соскакиваете!

– Ничего подобного! – мама прижалась ко мне. – Мы здесь, мы рядом. Просто уже всё свершилось. Ты его разбудила. Твои дурацкие сны прекратятся. Ты ему себя показала. Пусть теперь этот перец тебя добивается.

– Так мне к нему поехать?

– Зачем? – спросили родственники в один голос.

– Ну, я не знаю... Помочь.

– Он взрослый дядька – сам справится, – категорично сказал па. – А мы посмотрим, как он будет справляться. Но если он явится ко мне таким же нищеводом из пещеры просить твоей руки – загрызу. Не нужен мне такой нищий зять.

– Ну, у него вроде замок был...

– «Унылы и серы окрестности. Унылы и серы стены разрушенного и заброшенного замка. С сего замка следует написать холсты и разослать во все дома драконов. Дабы служил оный пейзаж назиданием...» – дословно процитировал родовой свиток падя. Надо же, а я думала, что он тогда не слушал. – Ты, правда, хочешь там жить? Причём заметить: это писал наш предок лет двести назад, то есть сейчас там, наверное, уже и стен не осталось.

– Зи-иль, ну ты слишком категоричен, – мама попыталась смягчить папины высказывания.

– Отнюдь! Большой, сильный, взрослый дракон – пусть предложит нашей девочке достойное существование. Да, и пусть сам найдет её.

---

¹⁰ Если бы я могла растопить твоё сердце...

– Ну, мы же вроде нашлись... – вставила я.

– Как нашлись, так и разошлись! Он тебя в прошлой жизни погубил – в этой всё должен исправить. Ты должна в него влюбиться, он должен тебя завоевать и обеспечить безбедное существование. Если мы, два нищих мальчика смогли, то он тем более сможет. И не вздумай к нему ездить и кидаться на шею. А то я тебя знаю!

– Па, я оставила счёт компании для оплаты его лечения.

– Это правильно. После свадьбы удержу с него с процентами по ставке нашего банка.

– Па, ну какой ты меркантильный! – засмеялась я. – А ещё я оставила ему тысячную купюру, попросила доктора передать в конверте.

– Как думаешь, Лен, доктор передаст?

– Думаю, да, – сказала мама. – Доктор с этой тысячи не обогатится, а человек сможет купить себе одежду. До Европы не доедет, но оденется.

– Тогда тоже правильно. Кто ещё поможет дракону в трудной ситуации, если не другие драконы. Я бы тоже помог, но ты уже помогла, так что нет смысла повторяться, – па сказал это с такой важностью, как будто сам регулярно помогает голодающим крокодилам в Африке.

10

Люблю нашу семью и домашние посиделки. Это я даже без сарказма. За столом можно решить все проблемы мира. Начали с проблем Агуни – закончили наследством. Родители через несколько дней сваливают в Раммельсберг и затевают спектакль «гибель в автокатастрофе». Дом они дарят Агуне. Деньги в трасте у банковской системы Раммельсбергов. У папы продумана целая система по легализации. Он через полгода всплывёт как дальний родственник и наследник по завещанию доли Зильбе Раммельсберга в семейном бизнесе, то же имя никого не смущает. Он ещё и линьку собирается пройти, чтобы наверняка никто не узнал. С мамой проще: появится в свете, если вообще решат, что ей нужно появляться, после родов и после линьки на десять лет моложе как жена Зильбе Раммельсберга-2.

– За тобой остаётся доля от твоего филиала в южноамериканских месторождениях. Надеюсь, ты не в обиде? – папа посмотрел в глаза, а заглянул в душу, прихватив её тонкими нитями-щупальцами. Интересно, когда я смогу противостоять ему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.